

Ох уж эта шаловливая бровь.

Шуайшуай опустил голову, с удовольствием съел кусочки пирожного с пола и слизал крошки, что попали на ноги Коу Чэня и папы.

— Кто пол мыть будет, ты? — Папа постучал Шуайшуаю по голове.

Коу Сяо подала глазами знак Коу Чэню, мол, вытри. Он сразу же сходил на кухню за очищающими салфетками, присел на корточки и вытер следы слюны, оставленные Шуайшуаем, затем дошёл салфеткой до ног папы. Тот отодвинул ногу в сторону, и он вытер место под ней.

— Ну всё, — вздохнул папа, — иди уже мой руки.

Коу Чэнь не вставал с корточек. Скомкав салфетку, он нацелился в сторону мусорного ведра, а Шуайшуай с шумным дыханием тут же подбежал, нажал лапой на педальку и открыл крышку ведра, после чего Коу Чэнь бросил туда салфетку. Пёс побежал обратно и завилял хвостом в ожидании похвалы. Коу Чэнь погладил его:

— Какой хороший мальчик, самый классный.

Шуайшуай запрыгнул на другой диван и лёг на ноги Коу Сяо, в то время как Коу Чэнь продолжал сидеть на корточках возле ног папы. Такого низкого, гнетущего давления, как перед бурей, он не ощущал уже давно.

Папа по-настоящему придерживался убеждения, о котором рассказал тогда: сын уже взрослый, не дело его всё время бить. Но, видимо, его старания не оказали эффекта на Коу Чэня, который продолжал ввязываться в драки. Хотя он получил благодарственное письмо от полиции, новое дисциплинарное взыскание ему дали опять за драку. Успеваемость как была плохой, так и осталась — в обычной школе это можно было не заметить, но в этой, аффилированной, с трудом найдёшь так называемых лентяев, которые от рук отбились, поэтому плохие оценки Коу Чэня очень били в глаза.

Коу Чэнь не осмелился поднять голову. Ему казалось, что его успеваемость, так бьющая в глаза, так и пробьёт в папиных глазах дыры.

— Результаты раздали вам? — спросил папа. — Дай-ка гляну.

— Что там смотреть, в промежуточном экзамене? — Мама взяла пирожное и медленно его съела. — Эти оценки же не учитываются, на гаокао не повлияют.

— Он даже промежуточный экзамен не может осилить! — внезапно закричал папа. — Как гаокао сдавать собрался?

Руки Коу Чэня слегка задрожали. Громкий крик был таким неожиданным и застал его врасплох, что его сердце бешено забилося в испуге, а грудь готова была взорваться. Теоретически, свою привычку кричать ни с того ни с сего и без причины он, кажется, перенял от папы.

...Тогда почему не перенял у него способность хорошо учиться?

— Ай! — Мама тоже вздрогнула, уронив пирожное на стол, и закричала: — Коу-Лао-эр, ты что

творишь?! Заорал на ровном месте. Кого пытаешься насмерть перепугать?

Коу-Лао-эр тут же понизил голос:

— Ну я ж не на тебя.

— Па, — позвала Коу Сяо, обнимая Шуайшуая. — Если хочешь что-то сказать, говори обычным тоном, на него бесполезно кричать. Просто говори, что хотел, не кричи на него всё время. Если опять накричишь, он взбунтуется.

— Взбунтуется? — Папа посмотрел на Коу Чэня. — Он бунтует с того дня, как научился говорить, и до сих пор не остановился! Он не остановится, пока в могилу меня не сведёт!

— Ну о чём ты говоришь... — Коу Сяо нахмурилась.

Папа прервал её и протянул руку Коу Чэню:

— Где результаты? Дай я посмотрю.

Коу Чэнь ещё две секунды восстанавливал спокойствие, затем медленно встал, подошёл к двери, порывшись в рюкзаке и вытащил экзаменационные работы. Поскольку оценки были настолько ужасными, он с досадой впихнул листы в рюкзак, что они помялись.

Папа взял их у него из рук и нахмурился:

— Что у тебя там в рюкзаке лежит? Как они могли так помяться?

— Просто учебники, — ответил Коу Чэнь.

Папа посмотрел на него и ничего не сказал. Он опустил голову, развернул листы и принялся каждый распрямлять на коленях. Одна за другой перед его глазами появлялись замечательные отметки.

Коу Чэнь чувствовал, как его дыхание становится то учащённым, то медленным, но папа всё никак не реагировал. Только когда папа разгладил и сложил последнюю работу по английскому, он увидел, что руки у него дрожат.

— По английскому проходной получил. — Папа сжимал работу и, казалось, пытался сдержать дрожь в руках. — Это прямо-таки неожиданно. И китайский сдал, так бы завалил, если бы не Юань-лаоши, да же?

Коу Чэнь молчал. Именно из-за Лао-Юаня он не бездельничал на уроке языка и литературы, но теперь, если подумать, такой результат порочил Лао-Юаня. Хорошо ещё, что Лао-Юань прищурился в улыбке ему сегодня.

— На прошлых семестровых, — папа взглянул на него, — баллы не такие низкие были, да?

— Угу.

— Ну потому что к промежуточному экзамену не такое серьёзное отношение, — тут же вмешалась Коу Сяо. — Я тоже такой была, результаты промежуточных были не такими хорошими, как на семестровых, я просто не придавала им большого значения...

— Да разве ж можно его оценки сравнивать с твоими? — перебил её папа. — А вам с мамой нечего его защищать, как будто мы с ним враги и я ему плохого желаю!

Мама вздохнула:

— Тогда чего ты...

— Другое дело, если бы мне всё равно на него было! Злился бы я тогда? — Папа резко встал с дивана и указал на Коу Чэня. — Если бы мне на него было всё равно, страдал бы я от бессонницы?!

Коу Чэнь отступил на шаг, уклоняясь от пальца, который чуть не ткнул его в лицо.

— Я всего лишь возлагаю на тебя надежды. — Папа сделал шаг и уставился на него, его голос стал глубже. — Я не думаю, что мой сын болван, не дурак он и не такой уж бестолковый раздолбай!

Коу Чэнь нахмурил брови. Папа заметил это:

— Говори, что у тебя на уме. У тебя обычно много чего есть сказать. Сестра велела тебе молчать и не спорить со мной, да? Ничего, я тебе слово, а ты мне десять, как раньше, давай, не держи в себе.

Коу Чэнь посмотрел на него:

— Ты живёшь в своих убеждениях и представлениях и не хочешь смотреть за их пределы.

— Коу Чэнь! — Коу Сяо хлопнула по журнальному столику.

— Что ты сказал?

— Ты живёшь в своём мирке, где всё по-твоему, — продолжил Коу Чэнь. — Ты убеждён, что я должен делать то да сё, а если я делаю не то и не по-твоему, то я раздолбай бестолковый.

Глаза папы готовы были полыхнуть яростным огнём, но он всё равно пытался контролировать свой голос:

— Хорошо, давай поговорим о твоих представлениях и убеждениях. Ты не бестолковый. Что, как ты думаешь, в тебе хорошего? Драки, прогулы, взыскание за взысканием. Все ребята на улице, старше и младше тебя, обходят тебя стороной, когда завидят! Ты что, бесово воплощение?! И ведь это ты только школьник, изъяны у тебя пока в этом, а что будет, когда ты

выйдешь в общество? Вот что у тебя есть? Что в тебе не бестолкового? У тебя хорошие оценки?

— Оценки — это совсем другое.

— Если школьник не через оценки себя проявляет, тогда через что? Ты через что себя проявляешь? Какие у тебя полезные умения? Они есть у тебя? — Папа слегка повысил голос. — Будешь говорить это людям, когда пойдёшь после школы сразу работать? Что это совсем другое.

Коу Чэнь нахмурился:

— Я не могу тебе это объяснить.

Папины слова имели смысл, но он всё равно чувствовал противоречие. Неважно, насколько неопровержимы папины аргументы, он всё равно не мог с ними согласиться.

— Тогда кому ты в состоянии объяснить? — спросил папа.

— Я исправлю положение во второй половине семестра. Я... — Коу Чэнь сделал паузу и снова заговорил: — Дело не в том, что мне вообще всё равно на оценки.

Не то чтобы он не говорил этого раньше. Говорил, когда учился в средней школе, но это были обещания на словах, так что не имело смысла повторять это сейчас.

И Коу Чэнь замолчал.

К тому же, папа уже тяжело дышал, по нему было видно, как он пытается контролировать эмоции. Коу Чэнь не хотел усугублять конфликт, всё-таки результаты экзаменов на этот раз действительно были не ахти, и его самого это злило.

Папа тоже молчал. Он ещё немного отдышался, и тут Коу Сяо помахала им пультом:

— Па, не загораживайте, я хочу переключить канал.

Папа бросил на неё сердитый взгляд, отошёл и сел обратно на диван. Коу Чэнь же не сдвинулся с места.

— Обсуждай, не обсуждай — смысла никакого, но хорошо уже то, что ты осознаёшь немного, — сказал папа. — Я думаю, ты сейчас просто слишком ленив. Ты не можешь выработать энергию, чтобы что-то сделать, не хочешь прилагать усилий. Я бил и ругал тебя всю твою жизнь, но это не возымело никакого эффекта. Я устал бить тебя, и орать на тебя мне надоело.

Коу Чэнь повернул голову и посмотрел на него.

— Я попросил твоего третьего дядю разузнать о школах, — продолжил папа. — Он сказал, что тебе туда можно поступать сразу в старшие классы, но я всё беспокоился, что слишком рано это для тебя. Не думай, что это поверхностные слова. Я забочусь о тебе и твоей сестре в равной степени. Я настроился отпустить её, как только она пошла в университет. То же самое и с тобой, всё думал, подожду-ка, пока ты в университет поступишь...

Коу Чэнь запутался. Он слушал папу и не мог понять, о чём он говорит.

— Теперь кажется, что ты не просто не продвинулся, а откатился. Я больше всего опасаясь, что будет слишком поздно...

Коу Чэнь медленно повернул голову и посмотрел на Коу Сяо. Та помахала ему рукой, давая понять, что ему следует промолчать. В этот момент он вмиг понял, о чём говорит папа, а также понял, почему Коу Сяо сказала ему не спорить с ним. «Что бы он ни сказал, не огрызайся». Она знала, что папа заговорит о старом, и Коу Чэнь определённо ему ответит.

Коу Чэнь уже чувствовал, как кровь мощным потоком стремится к мозгу.

— Я не поеду, — перебил он папу лаконичным предложением.

— ...Что? — спросил папа.

— Я не поеду. За границу не поеду и в другую школу не буду переводиться. Я останусь здесь и точка.

— Никто тебя сейчас не отсылает. — Мама встала, подошла к нему, обняла и потянула в сторону. — Дай папе рассказать, не торопись сразу комментировать...

— Я, — Коу Чэнь не поддавался её уговорам и упрямо стоял на месте, глядя на папу, — никуда не поеду.

Я никуда не поеду. Я не могу никуда уехать. Я не желаю уезжать. Ни на единый километр отсюда не удалюсь.

Из-за того, что кровь отлила от конечностей Коу Чэня, они стали холодными. Не только кисти и стопы, но и голени, бёдра, предплечья и плечи — да тело целиком окоченело, как будто он стоял в ледяной реке. Одна голова чуть ли ни дымилась. За это спасибо надо было сказать папе — без его слов он бы ещё неизвестно когда испытал такую панику.

Он не боялся незнакомого города, незнакомой школы, незнакомых людей, незнакомых языков, он не боялся ничего незнакомого. Полгода назад он бы это ещё позволил — выгнали за бугор, и ладно, — он бы это стерпел и отказался возвращаться, чтобы сохранить достоинство. Но не сейчас. Нельзя сейчас, нет. Он вовсе не боялся незнакомого, но боялся... что рядом не будет Хо Жаня.

Когда папа впервые произнёс слова «за границу», его первой реакцией была тревога. Нельзя за границу. Уедет за границу, и Хо Жаня больше не будет рядом.

— Да что же ты такой упрямый?! — Папа снова подорвался в гневе, его руки сильно тряслись.
— О чём ты думаешь, объясни?! Тебе жизненно необходимо во всём идти против меня или есть другая причина, что ты не хочешь уезжать?

— Наверное, так что не злись на него, а? — Коу Сяо раздражённо оттолкнула Коу Чэня, когда проходила мимо, и обняла папу. — Хватит уже о нём. Вот если бы тебе на его месте сказали за границу уезжать, ты бы согласился? Там ты сразу по своим друзьям заскучаешь.

— Как будто он не вернётся ещё. Общаться со старыми друзьями можно за километры, сейчас вон как развиты средства связи, и транспорт удобен. Захочет — вернётся и устроит встречу! — возразил папа. — А там и новых друзей завести можно... Хотя чего это я, у него и старых не так много...

— Ну не надо тут. — Коу Сяо довольно прищипнула языком: — В этой школе народец другой, у него целая компания! Не говори, что ты их не видел! Они каждый день вместе тусуются, так что не наговаривай на моего братишку!

Папа нахмурился и промолчал. Его взгляд внезапно стал острым, и он долго смотрел на Коу Чэня:

— Ты встречаешься?

Коу Чэнь не собирался показывать на лице какие-либо эмоции. Он хотел сохранить чёрствое выражение, невозмутимость, показать, что он полон самообладания. Но он знал, что его левая бровь поползла вверх.

Ох уж эта шаловливая бровь. Прищучить бы её.

— Да или нет? — повышенным тоном спросил папа.

— Ну встречается и встречается. — Мама ударила по столу. — Это что, зазорно в его возрасте? Не всегда же им просто учиться...

— Так он даже и не учится! — взревел папа.

— Не встречаюсь я, — сказал Коу Чэнь, — но мне нравится кое-кто.

После этой фразы вся семья замолчала. Даже Шуайшуай перестал пыхтеть. Такая реакция не удивила Коу Чэня, в конце концов, он никогда в жизни не говорил, что ему кто-то нравится.

Никто так и не заговорил, даже он. Наконец, папа спросил:

— Кто?

— Я не скажу ни тебе, ни кому-либо другому. И человеку тому, возможно, тоже.

— Почему? — опешила мама. — Что она за человек?

— ...Какая-то банальная влюблённость, чего тут утаивать, да ещё с таким гонором?! Ты погляди, етить твою налево, да никому не упёрлось узнавать это у тебя! — Папа не на шутку разгневался. Он обхватил свою левую руку правой, чтобы остановить дрожь, но бесполезно — тряслись теперь обе. — Главное, чтобы это не разыскиваемый преступник был. Но только попробуй! Я сразу позвоню в 110*!

*Номер экстренной службы, как у нас 112

— Да даже если так, это не твоя забота, — сказал Коу Чэнь под нос.

Папа оттолкнул Коу Сяо, схватил стул и замахнулся им на него.

Примечания переводчицы:

я создала телеграм-канал с эпизодами аудиодрамы, проверьте: <https://t.me/+svy9wMdKQyk1Yjcy>

<http://bllate.org/book/14311/1267054>